
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ЭТНОЗООЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ
КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2023 г. А. М. Плешаков*, Г. С. Шкабин**

Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва

*E-mail: pam7185@ya.ru

**E-mail: uprzn@ya.ru

Поступила в редакцию 02.08.2022 г.

Аннотация. В статье речь идет об использовании животных против людей и других представителей животного мира. Подобное насилие фактически признается видом инструментального принуждения. Одновременно этнозоологическое насилие рассматривается как этнокультурный феномен, основанный на ментальном наследии предыдущих поколений. Утверждается, что насилие с использованием животных имеет социально-психологическое происхождение, которое характерно для большинства государств. Как феномен человеческой практики оно является родовым понятием по отношению к его крайней форме – преступному насилию. Соответственно, любое принудительное воздействие на других людей с использованием животных является моделью для преступных деяний в виде причинения вреда жизни или здоровью человека. Рассмотрение этнозоологического насилия в любом аспекте показало, что эти формы всегда подчиняются общим социально-психологическим закономерностям.

Ключевые слова: насилие, животные, преступление, модель поведения, принуждение.

Цитирование: Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48–58.

DOI: 10.31857/S102694520024125-8

ETHNOZOOLOGICAL VIOLENCE AS A MODEL
FOR COMMITTING A CRIME

© 2023 A. M. Pleshakov*, G. S. Shkabin**

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow

*E-mail: pam7185@ya.ru

**E-mail: uprzn@ya.ru

Received 02.08.2022

Abstract. The article deals with the use of animals against humans and other representatives of the animal world. Such violence is actually recognized as a kind of instrumental coercion. At the same time, ethnozoological violence is considered as an ethnocultural phenomenon based on the mental heritage of previous generations. It is argued that violence with the use of animals has a socio-psychological origin, which is typical for most States. As a phenomenon of human practice, it is a generic concept in relation to its extreme form – criminal violence. Accordingly, any coercive influence on other people using animals is a model for criminal acts in the form of harm to human life or health. Consideration of ethnozoological violence in any aspect has shown that these forms always obey general socio-psychological laws.

Key words: violence, animals, crime, behavior model, coercion.

For citation: Pleshakov, A.M., Shkabin, G.S. (2023). Ethnozoological violence as a model for committing a crime // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 48–58.

Социально-правовая характеристика насильственных преступлений с использованием животных

Судебно-следственной статистики о совершении насильственных преступлений с использованием животных не существует. Ни одна правоохранительная структура ни в одной стране не вела и не ведет специального учета подобных деяний. Этнозоологическое преступление представляет собой скрытый правовой феномен, т.е. является латентным, официально не известным правоохранительным структурам. Согласно заявлению Пирс Бейрна, это понятие впервые было введено в научный оборот социологом Клифтом Брайнтем (Clifton Bryant) в 1979 г.¹

Вместе с тем история борьбы с преступлениями зафиксировала такое количество отдельных эпизодов, примеров, случаев и фактов совершения насильственных преступлений с использованием животных, что это позволяет говорить о существовании реального уголовно-правового явления. Однако отношение к насильственным преступлениям с использованием животных никогда не менялось. Всегда и везде они определялись как необычные или нетипичные криминальные события, как исключительные случаи либо как нечто неординарное и даже экзотическое.

Каждое насильственное преступление с использованием животных представляет собой стихийное (хаотичное) событие. Это всегда самостоятельный, индивидуальный акт произвола. Каждое преступление посягает обособленно от других деяний подобного рода, одно из них автоматически не порождает другого. В то же время насильственные преступления с использованием животных совершаются непрерывно. Это означает, что хотя они и фиксируются редко, через определенный промежуток времени, от случая к случаю (иррегулярно), однако подобное происходит из года в год, из десятилетия в десятилетие. Соответственно, эмпирические показатели насильственных этнозоологических преступлений всегда повторяются. Животные используются как биологическое оружие либо как предметы, заменяющие оружие, или как средства и орудия преступных посягательств, либо они определяют насильственный способ преступления.

Специальных монографических работ, посвященных роли животных в совершении насильственных преступлений (в качестве орудия, предмета, используемого как оружие, средства и т.п.), не имеется. В позапрошлом и прошлом веках в отдельных публикациях приводились историко-правовые и этнографические обзоры о судебных

¹ См.: *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals in Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // *Social Justice*. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.

процессах над животными, когда они признавались виновниками преступлений². Ныне ни одна уголовно-правовая система не содержит установлений о возможности признания животного субъектом преступления.

Значительное внимание уделялось такой проблеме, как жестокое обращение с животными, в том числе и с использованием других представителей фауны³. В этих работах в кратком виде говорилось о возможности применения животных в преступлениях против жизни и здоровья человека. Имеются отдельные публикации, в которых в обзорном или тезисном порядке отмечается, что животные могут использоваться в конкретных преступлениях: при разбое⁴, изнасиловании⁵, жестоком обращении с животными⁶. В научно-публицистической литературе приводились отдельные примеры о пытках (как о способе принудительного воздействия) с помощью насекомых (муравьев, клопов, комаров, мошки и т.п.)⁷. Таким образом, этнозоологическое насилие как социально-правовое явление, его структура и влияние на преступное поведение рассматривались в недостаточной степени.

Изучение этнозоологического насилия как модели для совершения преступления происходило в рамках такой новой научной парадигмы, как уголовная этнозоология. По мнению авторов, подобное название этого инновационного метода вполне допустимо. Дело в том, что и ранее для дальнейшего увеличения знаний в области уголовного права выделялись такие направления, как «уголовная антропология» и «уголовная биология»⁸. Уголовная этнозоология представляет собой консолидацию знаний о фактах, событиях и явлениях, в которых участвуют человек и животное как в рамках материального права, так и вне его. Уголовная этнозоология базируется на интеграции предметных областей трех наук: этнологии, зоологии и уголовного

² См.: *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права: лекции. СПб., 1894. Часть Общая; *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М., 1894; *Evans E.P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

³ См.: *Китаева В.Н.* Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // *Уголовное право*. 2011. № 3; *Семенов К.П.* Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

⁴ См.: *Применение насилия. Понятие и квалификация* / под ред. А.В. Галахова. М., 2016.

⁵ См.: *Полный курс уголовного права* / под ред. А.И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008.

⁶ См.: *Тутуков А.Ю.* Проблемы противодействия жестокому обращению с животными в Российской Федерации // *Проблемы в рос. законодательстве*. 2020. Т. 13. № 3. С. 156–158.

⁷ См.: *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.

⁸ *Мечников В.* Об уголовной антропологии. СПб., 1886.

права. Насилие с использованием животных в жизни социума и его влияние на преступное поведение изучалось в рамках указанной парадигмы с использованием историко-логического метода. Анализировались возникновение, становление и развитие этнозоологического насилия в его многочисленных формах на протяжении тысячелетий: участие животных в жертвоприношениях⁹, войнах, казнях и т.п.

В уголовной этнозоологии сосредоточены предыдущие достижения социально-поведенческих и естественных наук, касающихся прежде всего отношения с животными. При изучении этнозоологических преступлений были использованы положения: психогенетики (наследственное поведение индивида); биоэтики (теория возникновения человеческой морали); этологии человека (его поведение как высшего животного). Были задействованы заключения социальной психологии (поведение людей в социальных группах), социобиологии (генетика общественного поведения людей), психологической антропологии, т.н. психологии народов и др. Широко применялись и достижения биологических наук. Использовались положения этологии (приспособительное поведение животных в естественной среде обитания), зоопсихологии (происхождение и наследование психических процессов у животных), сравнительной психологии (способности к обучению у животных разных видов) и др.

В процессе исследования мы использовали и ряд эмпирических методов: сравнительно-правовой, документально-аналитический (контент-анализ) и конкретно-социологический.

Сравнительно-правовой метод. Установление сходства и различия в англосаксонской и романо-германских системах права показало, что, во-первых, использование животных имеет универсальный характер, т.е. их совершение подчиняется общим психологическим закономерностям. Во-вторых, нет никаких национальных особенностей в юридическом отражении возможного использования животных в преступных целях.

Конкретно-социологический метод включил в себя опрос 220 респондентов. К ним относились: потерпевшие от преступлений; очевидцы события; лица, которые в силу своих профессиональных обязанностей наблюдали неблагоприятные последствия физического конфликта с животными, – медицинские работники, охотинспектора, цирковые дрессировщики, кинологи, сотрудники полиции и др.

⁹ См.: Pleshakov A.M., Shkabin G.S. El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.

Наибольший объем информации был получен при помощи контент-анализа. Нами было выявлено и изучено 483 описанных в средствах массовой информации случая использования животных при совершении насильственных преступлений. Данный метод был направлен на достижение следующих целей: сформировать общее представление о конфликтных отношениях человека и животного и оценить ситуации, при которых происходят такие события; исследовать крайнюю степень подобного противостояния и установить частоту умышленных и неосторожных этнозоологических преступлений.

Понятие и содержание этнозоологического насилия

Опыт человечества показывает, что насилие само по себе – это феномен глобального масштаба. Насилие существовало всегда и у всех народов. Как социальное явление оно представляет собой форму принуждения человека к чему-либо с помощью активных действий.

В истории цивилизаций насилие всегда составляло неотъемлемую часть общественной жизни и выступало необходимым инструментом для преобразования действительности. В современном мире сфера принуждения охватывает чрезвычайно широкий круг отношений между людьми. В общей структуре принудительного воздействия на человека обоснованно выделяют многочисленные и многоликие разновидности такого принуждения. Разумеется, в основе подобного ранжирования лежат разные социальные критерии. В частности, помимо элементарного физического и психического насилия выделяют интеллектуальное, семейное (бытовое), воспитательное, этническое, политическое и др.¹⁰ Соответственно, в методических целях вполне допустимо, на наш взгляд, говорить и об этнозоологическом насилии, под которым следует понимать использование животных против людей и других животных. Такое название обусловлено тем, что деятельность миллиардов людей на протяжении сотен веков, их желание и воля по использованию животных против других всегда были бесконечно разнообразными. Подобная практика по своей сути является функционально целесообразной. У такого явления всегда есть или должна быть цель и соответствующая мотивация. В общественном насилии подобной целью является приобретение (или сохранение) господства над другими, удовлетворение тех или иных интересов, завоевание или получение конкретных прав, преимуществ и привилегий. В свою очередь, господство – это власть, право распоряжаться и подчинять своей воле других и тем самым подавлять свободное волеизъявление остальных.

¹⁰ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.

Вместе с тем любая форма этнозоологического насилия представляет собой социокультурный феномен. Это означает, что каждая отдельная «зоологическая» культура имеет целостный характер. Любая из них построена на ментальном наследии предыдущих поколений.

По мнению многих ученых, насилие имеет биологическое происхождение. Австрийский зоолог, один из создателей этологии — науки о поведении животных в естественных условиях, К. Лоренц (1903–1989) говорил, что агрессия и насилие — это явления одного порядка. У каждого человека существует врожденная установка на агрессию, и она, по существу, представляет собой антропологическую константу¹¹. Агрессия вызывается страхом, и эти психологические чувства взаимосвязаны.

В общебытовом значении слова и во многих поведенческих науках (в том числе в уголовном праве) мы, как правило, понимаем под агрессией враждебные действия, причем неоправданные, неожиданные, несправедливые. В свою очередь, в этологии термин «агрессивность» означает злость, злобу, ярость. Этот термин эмоционально никак не окрашен — ни негативно, ни позитивно, он нейтрален¹². Соответственно, биологически запрограммированное поведение (без злости) этологами не называется агрессией. Допустим, волк ловит зайца — это лишь естественная охота.

В отношении человека понятийный смысл слова «агрессия» меняется. З. Фрейд отмечал, что у каждого из людей в глубине души таится зверь агрессии и сладострастия, то самое Оно, которое можно сравнить с необъезженной лошадью. Всегда есть искушение сделать ближнего своего средством удовлетворения агрессии, не спрашивая согласия, использовать как сексуальный объект, лишиться имущества, унижить, причинить боль, мучить и убивать¹³.

Другой психиатр К. Юнг фактически говорил о том же самом: каждый имеет свою Тень, которая олицетворяет все темные стороны человеческого Я¹⁴. Это биологическая сущность человека была замечена давно. Тысячелетия назад она породила оскорбительную «животную» поговорку: *Nome homini — lupus est* (человек человеку — волк). Однако зоологическая правда в том, что волк-то волку — человек.

Отдельные ученые-биологи и генетики также отмечают, что агрессивность человеческой особи представляет собой природное свойство, т.е.

насилие запрограммировано генетически¹⁵. Это характерное качество дает преимущество индивиду в межличностных конфликтах. Вместе с тем выживание биологической группы подвергается опасности в случае нападения ее членов друг на друга. Соответственно, противоположная направленность, а именно стремление оказывать помощь другим, альтруизм, готовность к самопожертвованию значительно уменьшают шансы индивида на биологическое существование. Однако такие свойства, видимо, также имеют природное происхождение, поскольку благоприятны для выживания конкретной группы в целом по сравнению с другими группами, где преобладают агрессивные особи¹⁶.

Следовательно, в общественной жизни насилие имеет как минимум двойную природу — этнокультурную (социальную) и естественно-генетическую. В силу подобных факторов, как об этом сказано в литературе, человек представляет собой крайне опасное животное¹⁷.

Ситуативная хищность людей зависит от множества социальных детерминантов. Однако естественный рефлекс насилия сохраняется всегда. Образно говоря, человек зверем рожден, зверем и останется, т.е. до конца своих дней каждый из нас будет подчиняться биологическим закономерностям. Только мораль, религия и нормы социального общежития держат искушения и страсти человека в узде. Но больше всего его сдерживает страх, страх возмездия и наказания за содеянное. Стоит переступить его, как тут же у громадного числа людей может проявиться их биологическая сущность.

Таким образом, насилие одного человека есть его собственная злая воля и индивидуальный акт агрессивного поведения, а насилие многих — это уже природное явление планетарного масштаба. Последнее положение не требует какой-либо нравственной оценки, поскольку это лишь констатация факта. Социальное насилие существует помимо всеобщей воли и разума людей. Индивидуально-психологическое и общественно-психологическое неприятие насилия не меняют агрессивной сущности человеческого рода.

В процессе своего развития люди не выработали те запретительные механизмы, которые обеспечивают сохранение и / или выживание собственного вида. У нас нет такой формы поведения, как «ритуальная агрессия», известная громадной части других представителей животного мира и выполняющая роль предупредительного средства. Люди и, пожалуй, крысы — исключения из числа млекопитающих и способны к убийству своих сородичей

¹¹ См.: Лоренц К. Агрессия. М., 2018.

¹² См.: Долин В. Р. Непослушное дитя биосферы. СПб.: М., 2009.

¹³ См.: Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2019.

¹⁴ См.: Юнг К. Г. Практика психотерапии. М., 2003.

¹⁵ См.: Анцупов А. Я., Шитлов А. И. Конфликтология. М., 2020.

¹⁶ См.: Ауэрбах Ш. Генетика. М., 1968.

¹⁷ См.: Гюггенбуль-Крейг А. Благо сатаны. СПб., 1997.

в огромных масштабах. Иными словами, они готовы убивать себе подобных.

Любая теория предмета, как известно, начинается с его предыстории. Соответственно, необходимо хотя бы ориентировочно выяснить, когда зародилось этнозоологическое насилие, как оно развивалось, как вписывалось в систему общественных отношений и подчинялось его закономерностям.

Ретроспективный анализ данного вида принуждения следует рассматривать с т.н. периода доместикации (приручения, одомашнивания диких животных). Он начался около 10–15 тыс. лет назад и связан с возникновением индивидуальной охоты, скотоводства и земледелия. Первым прирученным животным, судя по всему, стала дикая собака. Она постепенно стала использоваться человеком для охоты с ее процессами выслеживания, скрадывания и преследования. Этнозоологическое насилие как таковое еще не сформировалось, хотя «инструмент» для него уже появился.

Во времена неолита (около 10 тыс. лет назад) начали возникать предпосылки для появления общинного скотоводства. Этнозоологического насилия все еще не было, но домашний скот уже нуждался в защите, хотя бы от хищников.

В период т.н. неолитической революции (возникновение колеса, ирригационных сооружений, свайных построек, гончарного производства и пр.) наряду со скотоводством появляется оседлое земледелие. Полагаем, что именно в это время появились предметы, которые нуждались в охране от посягательств других людей. Соответственно, начинают формироваться защитные функции первых примитивных собак человека. Животные использовались для охраны земли, жилища, имущества, домашнего скота и самого хозяина с его домочадцами. Появляется одна из первых форм этнозоологического (инструментального) насилия, которая базировалась на природной силе собак.

Разумеется, не сама по себе доместикация либо появление скотоводства и земледелия породили агрессивное использование животных. Это лишь указание на приблизительные временные границы возникновения этнозоологического насилия в жизни современных людей – прапотомков древних кроманьонцев.

Этнозоологическое насилие как модель поведения

Обобщение исторических сведений показывает, что с течением времени этнозоологическое насилие стало подчиняться общим закономерностям общественных отношений. Принуждение с использованием животных постепенно стало частью общечеловеческого опыта. Данное положение обусловлено тем, что предыдущая практическая деятельность всегда содержала обучающую

информацию и задействовала знания о результатах ранее совершенного. В то же время человеческая практика всегда трансформировалась в зависимости от общественных потребностей в преобразовании действительности.

В свою очередь, совокупность социальных навыков и приемов базируется на прецедентах, т.е. на конкретных примерах для подражания при использовании животных против других людей. Социально-психологическая характеристика преемственности поведения служит ориентиром и для попыток повторения сходных действий в дальнейшем.

Насилие с помощью животных как общественный феномен является родовым понятием по отношению к его виду – преступному насилию. По своему содержанию границы последнего определяются уголовным законом. Соответственно, любое принудительное воздействие на других людей с помощью животных является моделью для преступного деяния, т.е. это то, чему можно следовать, подражать или повторять.

Понятие модели представляет собой гносеологическую категорию, которая характеризует один из путей познания социальных процессов. С методических позиций модель – это общий «замениТЕЛЬ» оригинала как в теории, так и на практике. Следовательно, этнозоологическое насилие как модель социального поведения является увеличенным (расширенным) образцом для общественно опасного деяния, равно как преступное насилие с использованием животных – это своеобразная уменьшенная копия оригинала.

В уголовном праве преступное насилие обычно анализируют в двух аспектах – в широком и узком смысле слова. В широком смысле, с общеметодических позиций, насилие рассматривается как физическое или психическое воздействие на личность¹⁸. Первое всегда связано с нарушением телесной (физической) неприкосновенности лица, а второе выражается в угрозе его применения. Таким образом, моделью для преступного этнозоологического насилия следует считать любое физическое воздействие на другого человека с помощью мускульной силы (энергии) животного либо угрозу такого воздействия.

В узком смысле слова насилие рассматривается как конструктивный (дополнительный) элемент деяния, т.е. в рамках объективной стороны состава преступления. С учетом последующего анализа и соответствующих выводов стоит кратко остановиться на двух основных теоретических

¹⁸ См.: Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия. М., 1997; Кирюхин А.Б. Концепция насилия в российском уголовном праве и уголовном законодательстве // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 7. С. 142–147.

концепциях по поводу сущности общественно опасного насилия в узком смысле. Можно выделить два подхода к определению сущности общественно опасного противоправного насилия. Первый из них заключается в том, что преступное насилие представляет собой форму принуждения, и это влечет наступление неблагоприятных последствий для пострадавшего. В таких случаях при любом варианте воздействия жертва всегда испытывает какие-либо ограничения – в телесной неприкосновенности, в здоровье, в интересах, в желаниях и т.п. Иными словами, пострадавшего принуждают претерпевать последствия, а само насилие оценивается в зависимости от результата, от тяжести неимущественного вреда, причиненного личности. Условно данную концепцию можно назвать «насилие-последствия»¹⁹.

Вторая теоретическая концепция получила название «насилие-деяние», или учение о непосредственном насилии²⁰. Эта система взглядов была сформирована в немецком уголовном праве²¹. В переводе с немецкого теория «насилия-деяния» звучит как «директ гевалд». В последующем эта идея о непосредственном насилии получила развитие в советской уголовно-правовой науке²². Суть ее в том, что любая форма насилия представляет собой непосредственное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. При оценке преступного деяния основное внимание уделяется поведению виновного. Вне зависимости от последствий в первую очередь учитываются степень и характер (количество и качество) общественной опасности преступления.

На основе этих двух концепций, их взаимных «пересечений» и частных модификаций были сформулированы многочисленные варианты понятия преступного насилия. В юридической литературе высказывались разные точки зрения по этому поводу. Однако, несмотря на различия в деталях, все авторы, как правило, стремятся к унификации взглядов и к их комплексной системе. В связи с этой науковедческой тенденцией выделяются универсальные свойства насилия, связанного как с самим деянием, так и с его последствиями.

В обобщенном виде преступное насилие как компонент объективной стороны состава преступления альтернативно определяется как:

¹⁹ Таганцев Н.С. Указ. соч.; Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. СПб., 1890. Часть особенная.

²⁰ См.: Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части (уголовного права). СПб., 1876; Лохвицкий А.В. Курс уголовного права. СПб., 1887.

²¹ См.: Щегловитов С.К. Учение о побоях, причиняющих смерть // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. 1876. № 1.

²² См.: Познышев С.Р. Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. Часть Особенная.

общественно опасное, осознанное, противоправное, виновное (умышленное), внешнее (или силовое) воздействие на другого человека (или на его организм); действие, которое совершается принудительно, т.е. против (или помимо, вопреки) воли (волеизъявления) пострадавшего, его желаний или интересов; причинение реального (конкретного) физического вреда (травм) или для достижения такого результата в виде нарушения анатомической (анатомио-физиологической) целостности организма либо нормального функционирования органов потерпевшего²³ (Гаухман Л.Д., 1969; Бойцов А.И., 1988; Ивашенко А.В., Марцев А.И., 1996; Иванова В.В., 2002; Шаронов Р.Д., 2006).

Вместе с тем у этих соподчиненных категорий (этнозоологическое насилие – его преступное проявление) различное правовое содержание. Насилие с использованием животных нередко имеет нормативно-разрешительный характер. Условия и порядок использования живых существ против других людей определяют границы допустимого поведения и регулируются, как правило, законодательными установлениями. Это касается правоохранительной деятельности и соответствующего использования собак для преследования и задержания преступников, охраны осужденных, защитно-караульной службы, поддержания общественного порядка, освобождения захваченных зданий и территорий и т.д. Это относится и к военной деятельности и применению животных в качестве боевых единиц, например использование морских млекопитающих для нейтрализации подводных диверсантов или для уничтожения военной техники. Подобное наблюдается и в экспериментальной или научно-технической деятельности, направленной на защиту государственных или общественных интересов, например при разработке новых видов вооружений, имеющих биологический или микробиологический характер. Соответственно, нарушение нормативно-разрешительных предписаний порождает противоправное или преступное поведение.

В свою очередь, уголовно наказуемое этнозоологическое насилие имеет и нормативно-запретительный характер. Суть подобных действий устанавливается через сам термин «насилие», который содержится в составах преступлений в качестве конструктивного или квалифицирующего признака. Таких статей в Уголовном кодексе РФ более 60. Если принять каждую часть статьи за самостоятельный состав, то указанное понятие содержится более чем в 200 составах преступлений. Практически

²³ См.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969; Ивашенко А.В., Марцев А.И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. Омск, 1996; Иванова В.В. Преступное насилие. М., 2002; Шаронов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009.

каждое из таких общественно опасных деяний возможно с применением животного, т.е. в этих случаях преступное этнозоологическое насилие является очевидным.

В уголовном законодательстве используются различные словосочетания для обозначения физического насилия. По крайней мере можно выделить три их формы. Все они имеют одинаковое внутреннее содержание, но отличаются между собой по объективным признакам причинения вреда пострадавшему. Это — «простое» насилие без указания на какую-либо степень его опасности; это физическое воздействие на телесную неприкосновенность пострадавшего, не опасное для его жизни и здоровья, и это насилие, опасное для жизни и здоровья. Преступное этнозоологическое насилие может обозначаться и другими терминами, в которых само это слово не указывается, но логически предполагается. Это т.н. смежные по своему юридическому содержанию понятия. К ним, например, относятся: убийство, умышленное причинение вреда здоровью, истязания, пытки, различные формы нападения, посягательства на жизнь, сопротивление, воспрепятствование, принуждение, удержание, захват власти, вооруженный мятеж, превышение полномочий и др.

Подобные сопредельные понятия содержатся еще как минимум в 100 составах преступлений. Соответственно, возможность использования животного против другого человека предусмотрена примерно в 300 преступных деяниях. В общем объеме это составляет почти половину всех составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ.

Вместе с тем в некоторых статьях, где есть термин «насилие», использование животных вряд ли возможно. Это либо нецелесообразно, либо неосуществимо в силу отсутствия реальных условий для достижения преступного результата. К таким составам могут относиться, например: ограничение конкуренции (ст. 178); надругательство над телами умерших (ст. 244). Разумеется, мы не исключаем вероятности использования животного против людей в каких-то невероятных, исключительных случаях, даже противоречащих элементарному здравому смыслу.

Социальное насилие как явление глобального характера всегда и везде требовало не только юридического регулирования, но и морального оправдания. В данной сфере общественных отношений возникает ряд проблемных ситуаций, связанных с правовой и нравственной оценкой этнозоологического насилия. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, найти ответы на следующие вопросы: допустимо ли применение насилия к другим живым обитателям планеты, в том числе в массовом порядке; какие нравственные категории используются в бланкетных нормах ряда нормативных

актов, регламентирующих насилие в отношении животных?

В юридической литературе высказывались мнения о том, что насилие к животным применить невозможно. Жестокое обращение с представителями фауны, повлекшее за собой их гибель или увечье, уничтожение зверей или птиц как имущества являются преступлениями, но определять такие действия как насильственные нельзя²⁴.

Данная позиция базировалась на основном аргументе: преступное насилие всегда связано с причинением вреда именно человеку, его жизни или здоровью. В тех случаях, когда животному причиняется физический вред, оно никак не может признаваться потерпевшим в уголовном-процессуальном плане. Это обусловлено тем, что в юридическом смысле в соответствии с Гражданским кодексом РФ все живые обитатели планеты (кроме человека) приравниваются к имуществу (ст. 137).

С позиций формальной логики здесь все вроде бы правильно. Однако с точки зрения здравого смысла подобное положение представляется искусственным, оторванным от жизни, т.е. схоластическим. Эта ситуация похожа на юридическое состояние древнеримских рабов, которые приравнивались к животным и вещам. Их убийство или причинение вреда здоровью считалось уничтожением или повреждением имущества. Следовательно, юридически раб насилию не подвергался.

Точка зрения о том, что насилие к животным применить невозможно, основана на концепции «насилие-последствия» (теория претерпевания ограничений), о которой мы говорили ранее. Как видим, эта основная идея не вписывается в систему правоотношений в сфере обращения с животными хотя бы по формальным основаниям. В связи с этим физическое воздействие на животных, по нашему мнению, следует оценивать в рамках концепции «насилие-деяние» (теория непосредственного насилия), т.е. с учетом характера и степени общественной опасности преступления.

При другом решении мы можем прийти к абсурдной оценке правовой ситуации. Как, например, определять действия виновного при массовом уничтожении животного мира (экоцид) или при массовом уничтожении зверей (незаконная охота)? Поскольку здесь предположительно нет насилия, то варианты ответов могут быть следующие: ненасильственное поголовное уничтожение представителей фауны; ненасильственное завладение природными ресурсами в большом объеме; неизбежное массовое уничтожение вещей и т.п.

²⁴ См.: *Кирюхин А. Б.* Уголовно-правовая характеристика преступного насилия. М., 2008.

Вполне понятно, что при любом варианте это, как минимум, на наш взгляд, звучит нелогично.

Возможен и другой подход. О фактическом и реальном насилии к животным вообще не упоминать, никак это не обозначать, а по умолчанию констатировать — хотя насилие и есть, но его как бы и нет, поскольку для этого нет соответствующего названия.

По нашему мнению, применение насилия к животным все же возможно. Это допустимо, например, в ситуациях, когда физическое воздействие на них используется как способ совершения преступления (уничтожение чужого имущества, жестокое обращение и др.). В этом заключении мы исходим из постулата о том, что насилие «есть понятие дополнительное, созданное на случай неприменимости иных уголовно-юридических понятий»²⁵. В данном случае «насилие к животным» в массовом объеме и выполняет такую дополнительную (вспомогательную) роль в понимании уголовно-правовых установлений.

Разумеется, насилие невозможно к вещам материального мира. Однако животные, приравненные к имуществу юридически, имеют в теории права соответствующее обозначение — «одушевленные предметы», что и позволяет допускать утверждение о возможности применения насилия к таким предметам.

Здесь мы впервые сталкиваемся с коллизиями уголовного права и категориями морали. Отметим, что при разрешении подобных ситуаций приоритет в подавляющем большинстве случаев остается за юридическими установлениями.

Сама по себе проблема применения насилия к животным порождает и другие формы несоответствия между правом и моралью. Так, умышленное причинение смерти другому человеку, т.е. лишение жизни одного из биологических существ, признается убийством. Однако такие же действия по отношению к другим живым созданиям убийством юридически не являются. Иными словами, с позиций уголовного права «убить» животное нельзя. Подобное положение, тем не менее, логически обоснованно, поскольку при ином подходе может разрушиться вся структура человеческих правоотношений. Ведь уголовное право, как отмечалось ранее, — это исключительно антропоморфная система юридических установлений, которая рассчитана только на регулирование отношений между людьми, на защиту лишь человеческих ценностей и интересов.

Вместе с тем в нормативных установлениях различного уровня по поводу лишения жизни животных используются десятки других терминов-заменителей.

Эти названия могут быть любыми, но только никогда они не определяются как умышленное причинение смерти. Например, в различных сферах общественной жизни, где человек соприкасается с животными, их убийство может обозначаться как законная добыча, правомерный отстрел, регулирование численности, щадящая борьба, контроль за популяцией хищников, поддержание биологического равновесия, восстановление природных связей, а также нейтрализация, ликвидация, уничтожение, истребление (вредных животных), утилизация по санитарно-эпидемиологическим или ветеринарным требованиям, биотехнические мероприятия, вынужденный забой, безболезненное усыпление, эвтаназия при ветеринарных услугах и т.д. и т.п. В этой сфере наблюдается известный всему миру социально-психологический феномен так называемой двойной морали. В силу природы человека двойная мораль представляет собой естественную защитно-психологическую рефлексию, наполненную лицемерием. При этой нравственной позиции отдается избирательное или необоснованное предпочтение одного перед другим или провозглашается положение о том, что приемлемо для одних, недопустимо для других. Лицемерие — это всегда показная добродетель, внешне пристойное поведение, демонстрация чистосердечия и т.п. На самом деле нередко это уловка, обман или неискренность.

В отношении животных нормативные установления бланкетного характера подчас содержат в себе такого рода «двойные стандарты». Видимо, без них человечество пока обойтись не может как в силу господства человека и его правовой воли, так и по причине ограниченности языка юриспруденции.

Мы не собираемся ни осуждать кого-либо, ни обвинять цивилизацию или отдельных людей в ханжеском поведении. Смысл в другом, в том, чтобы без эмоций зафиксировать эту социально-психологическую константу нашего биосоциального вида (юридическое «лицемерие» к животным). Необходимо обратить внимание и на то, что различного рода обозначения завуалированного убийства представителей фауны всегда выполняли и важнейшую роль в моральном оправдании собственных действий. С психологических позиций совершенно по-разному звучат фразы «об умышленном убийстве бездомных собак» и «уборкой бытового мусора».

Рассмотрение этнозоологического насилия в любом аспекте — либо как глобального социального феномена, либо как основы для его локального проявления, либо как некоего экстраординарного, но частного события, показывает, что все эти формы обладают общими социально-психологическими свойствами. Принудительное воздействие на людей силой животных всегда преследует цель

²⁵ Фойницкий И.Я. Указ. соч.

подавить волю к сопротивлению, вызвать страх, причинить физический вред, установить господство над ситуацией, т.е. это потенциальная модель для преступления.

В процессе исследования была подтверждена гипотеза о том, что все преступления с использованием животных имеют этнозоологическую основу. Это предположение построено на объективных показателях. Во все времена у разных этносов, начиная с процесса одомашнивания (одомашнивание этих животных), животные всегда являлись и являются непременными участниками или партнерами в хозяйственной деятельности, социальной практике и духовной жизни. В связи с этим глобальным и позитивным положением цивилизация и в дальнейшем будет развиваться в неразрывном взаимодействии с животным миром, а раз это так, то всегда будут существовать и социально-негативные последствия использования животных.

Прогностическая сила данного вывода состоит в том, что она способна предсказать что-то новое, неизвестное в уголовно-правовой практике. Речь, например, может идти о новых формах обучения животных для совершения преступлений, о разнообразных индивидуальных действиях виновных лиц, неизвестных способах и приемах совершения преступных посягательств. Можно предположить, что будут созданы новые и опасные виды микроорганизмов или бактерий для биологического оружия, разработаны неизвестные пока формы использования животных для совершения террористических актов, диверсий, массовых беспорядков, геноцида и т.д. Соответственно, возможно появление новых видов этнозоологических преступлений, не обнаруженных эмпирически, а предполагаемых только теоретически.

* * *

Многовековая эра этнозоологического насилия, возникшая на заре человечества, не могла пройти бесследно. Опыт использования животных против людей безусловно оставил социально-психологическую память у сотен предшествующих поколений. Возможно, это уже и генетическая память, т.е. у нас сформировалось наследственное поведение, характерное для огромного числа предыдущих серийных убийц. В связи с этим вполне понятно, что эпоха этнозоологического насилия, в том числе и преступного характера, будет продолжаться по крайней мере до того времени, пока существует наш биосоциальный вид. Этот прогноз обусловлен тем фактором, что жизнь человечества немислима без других живых существ.

При изучении исторических форм использования животных против человека эти процессы следует рассматривать в наивысшей точке развития, т.е., когда их существенные стороны проявлялись

в полной мере и не имели сугубо индивидуальные черты. По мере необходимости было бы правильным анализировать параллельные или пересекающиеся формы этнозоологического насилия.

В истории цивилизаций животные как непосредственные «наильники» использовались: для культовых и языческих церемоний (как жертвоприиматели); казней (как палачи); публичных и кровавых зрелищ (как основные участники); осуществления репрессивных функций (как специальные инструменты); войны (как орудия уничтожения); диверсионных операций (как боевые биотехнические системы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М., 2020.
2. *Ауэрбах Ш.* Генетика. М., 1968.
3. *Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969.
4. *Гюггенбуль-Крейг А.* Благо сатаны. СПб., 1997.
5. *Долин В.Р.* Непослушное дитя биосферы. СПб.; М., 2009.
6. *Иванова В.В.* Преступное насилие. М., 2002.
7. *Иващенко А.В., Марцев А.И.* Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. Омск, 1996.
8. *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М., 1894.
9. *Кирюхин А.Б.* Концепция насилия в российском уголовном праве и уголовном законодательстве // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 7. С. 142–147.
10. *Кирюхин А.Б.* Уголовно-правовая характеристика преступного насилия. М., 2008.
11. *Китаева В.Н.* Жестокое обращение с животными как способ психического насилия // Уголовное право. 2011. № 3.
12. *Лоренц К.* Агрессия. М., 2018.
13. *Лохвицкий А.В.* Курс уголовного права. СПб., 1887.
14. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.
15. *Мечников В.* Об уголовной антропологии. СПб., 1886.
16. *Наумов А.В.* Уголовно-правовое значение насилия. М., 1997.
17. *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части (уголовного права). СПб., 1876.
18. *Познышев С.Р.* Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923. Часть Особенная.
19. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008.
20. Применение насилия. Понятие и квалификация / под ред. А.В. Галахова. М., 2016.
21. *Семенов К.П.* Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.

22. *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права: лекции. СПб., 1894. Часть Общая.
23. *Тутуков А. Ю.* Проблемы противодействия жестокому обращению с животными в Российской Федерации // Пробелы в росс. законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 156–158.
24. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. СПб., 1890. Часть особенная.
25. *Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб., 2019.
26. *Шарапов Р.Д.* Преступное насилие. М., 2009.
27. *Щегловитов С. К.* Учение о побоях, причиняющих смерть // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. 1876. № 1.
28. *Юнг К. Г.* Практика психотерапии. М., 2003.
29. *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals In Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // Social Justice. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.
30. *Evans E. P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.
31. *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.
32. *Pleshakov A. M., Shkabin G. S.* El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.
11. *Kitaeva V. N.* Animal cruelty as a method of mental violence // Criminal Law. 2011. No. 3 (in Russ.).
12. *Lorenz K.* Aggression. М., 2018 (in Russ.).
13. *Lokhvitsky A. V.* Course of criminal law. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).
14. *Luneev V. V.* Crime of the twentieth century. Global, regional and Russian trends. 2nd ed. М., 2005 (in Russ.).
15. *Mechnikov V.* On criminal anthropology. St. Petersburg, 1886 (in Russ.).
16. *Naumov A. V.* The criminal-legal meaning of violence. М., 1997 (in Russ.).
17. *Neklyudov N. A.* Guide to the Special part (criminal law). St. Petersburg, 1876 (in Russ.).
18. *Poznyshev S. R.* An essay on the basic principles of the science of criminal law. М., 1923. Part Special (in Russ.).
19. The complete course of Criminal Law / ed. by A. I. Korobeev: in 5 vols. SPb., 2008 (in Russ.).
20. The use of violence. Concept and qualification / ed. by A. V. Galakhov. М., 2016 (in Russ.).
21. *Semenov K. P.* Animals as an object and means of crime: dis. ... PhD in Law. SPb., 2015 (in Russ.).
22. *Tagantsev N. S.* Course of Criminal Law: lectures. St. Petersburg, 1894. The General part (in Russ.).
23. *Tutukov A. Yu.* Problems of countering animal cruelty in the Russian Federation // Gaps in Russ. legislation. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 156–158 (in Russ.).
24. *Foynitsky I. Ya.* Course of Criminal Law. St. Petersburg., 1890. Part Special (in Russ.).
25. *Freud Z.* Psychology of the unconscious. SPb., 2019 (in Russ.).
26. *Sharapov R. D.* Criminal violence. М., 2009 (in Russ.).
27. *Shcheglovitov S. K.* Doctrine beating, causing death // Journal of Civil and Criminal Law. Book. 2. 1876. No. 1 (in Russ.).
28. *Jung K. G.* The practice of psychotherapy. М., 2003 (in Russ.).
29. *Beirne P.* The Use and Abuse of Animals in Criminology: A Brief History And Current Review Author(s) // Social Justice. 1995. Vol. 22. No. 1 (59). Issues in Critical Criminology. P. 5–31.
30. *Evans E. P.* The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.
31. *Jacques Rossi.* The gulag handbook: A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps. London, 1987.
32. *Pleshakov A. M., Shkabin G. S.* El sacrificio de animales como una forma de violencia zoológica // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores // VII Número: Edición Especial Artículo. 2019. no.: 96 Período: Octubre.

REFERENCES

1. *Antsupov A. Ya., Shipilov A. I.* Conflictology. М., 2020 (in Russ.).
2. *Auerbach S.* Genetics. М., 1968 (in Russ.).
3. *Gaukhman L. D.* Struggle against violent encroachments. М., 1969 (in Russ.).
4. *Guggenbuhl-Craig A.* The good of Satan. SPb., 1997 (in Russ.).
5. *Dolin V. R.* The naughty child of the biosphere. SPb.; М., 2009 (in Russ.).
6. *Ivanova V. V.* Criminal violence. М., 2002 (in Russ.).
7. *Ivashchenko A. V., Martsev A. I.* Methodology of legal research of violence // Socio-legal problems of combating violence. Omsk, 1996 (in Russ.).
8. *Kantorovich Ya. A.* Processes against animals in the Middle Ages. М., 1894 (in Russ.).
9. *Kiryukhin A. B.* The concept of violence in Russian criminal law and criminal legislation // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 7. P. 142–147 (in Russ.).
10. *Kiryukhin A. B.* Criminal-legal characteristics of criminal violence. М., 2008 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПЛЕШАКОВ Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний; 125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а
ORCID: 0000-0003-4166-9280

ШКАБИН Геннадий Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний; 125130 г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а
ORCID: 0000-0002-1908-668X

Authors' information

PLESHAKOV Alexander M. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Research on Security Problems in Institutions of the Penitentiary System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service; 15a Narvskaya str., 125130 Moscow, Russia

SHKABIN Gennadiy S. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service; 15a Narvskaya str., 125130 Moscow, Russia